

RU

Социально-онтологические характеристики народных традиций

Демяшева Л. С., Рязанов А. В.

Аннотация. Целью статьи является раскрытие онтологической сущности народных традиций через анализ их характеристик и функций. Авторы стремятся проследить происхождение народных традиций и рассматривают их становление, особое внимание уделяется их роли в конституировании и функционировании социума. Научная новизна статьи заключается в междисциплинарном рассмотрении вопроса с привлечением трудов современных российских и западных специалистов. В результате была обоснована конституирующая роль народных традиций в социальной онтологии социума. Подчеркнута их значимость в сохранении этнического культурного пространства и отмечены ключевые факторы современности, влияющие на размывание социальной онтологии этнических коммуникативных систем.

EN

Social and Ontological Features of Folk Traditions

Demyasheva L. S., Ryazanov A. V.

Abstract. The purpose of the article is to shed light on ontological essence of folk traditions through an analysis of their features and functions. The authors seek to trace the origin of folk traditions and consider their formation; special attention is paid to their role in constitution and functioning of the society. Scientific novelty of the article lies in interdisciplinary consideration of the issue with involvement of works by the modern Russian and western experts. As a result, the researchers provided rationale for the constitutive role of folk traditions in social ontology of the society. Their importance in preservation of ethnic cultural space is emphasised and the key factors of modernity that influence erosion of social ontology of ethnic communication systems are noted.

Введение

Актуальность исследования. Происхождение народных традиций и их роль в конституировании этносов как видов социумов представляет собой значительный интерес для гуманитариев. Я. В. Чеснов отмечал, что «народная культура – странный объект для изучения. Когда к ней подходишь предметно, она прячет себя за протейской изменчивостью» [10, с. 3]. Понимание устройства и порядка функционирования народных традиций в рамках этнических систем дает возможность понять причины их устойчивости в ранний период и предвидеть последствия их ослабления и утраты для многих народов в существующих условиях. Современная социокультурная ситуация как раз демонстрирует такие возможности. Изначально народная традиция связана с преемственностью поколений того или иного народа и даже прямо подразумевает ее.

Согласно поставленной цели авторами решался ряд задач: 1) выяснить происхождение народных традиций; 2) показать их роль в конституировании этнических коммуникативных систем; 3) отметить их значимость в сохранении социальной онтологии современных этносов.

Теоретическая база исследования. Исследование выполнялось на основе междисциплинарной парадигмы, включающей: культурологические подходы (А. К. Байбури, М. Элиаде [2; 12]); социологические и социально-философские подходы (С. М. Фролова, А. Шюц [9; 11]), лингвистические, подчеркивающие определяющую роль при этом языка (Й. Л. Вайсбергер [4]); исследования в области психолингвистики (С. Н. Алехина, С. А. Сухих [1; 8]). Синтез данных подходов позволил представить авторское видение анализируемых в статье проблем.

Методы исследования. Авторы использовали общенаучные методы познания общественных явлений (анализ, аналогия, сравнение, индукция, дедукция, предположение и прогнозирование), системный подход, в рамках которого народные традиции предстают как элементы механизма, продуцирующего социальную онтологию групп людей (этносов). Исторический и социально-философский подходы способствовали рассмотрению народа (этноса) как сложной коммуникативной системы, переживающей в настоящее время трансформационный период.

Практическая значимость работы. Результаты данного исследования могут быть применены при разработке курсов по культурологии, социальной антропологии и социальной философии для преподавания в высших и средних учебных заведениях, а также при разработке образовательных программ по социально-гуманитарным дисциплинам.

Начиная работать над темой, нужно определить, что мы будем понимать под социальной онтологией. Социальная онтология – это процесс существования социальной реальности в виде функционирования определенных социальных структур. Будучи подвижными в пространстве и во времени, они представляют собой открытые коммуникативные системы, которые сохраняют и транслируют будущим поколениям значимую для них информацию в целях постоянной адаптации к определенным естественно-географическим и социокультурным условиям.

Происхождение народных традиций

В этом ключе обладают реальностью и сами понимаемые таким образом социальные общности со своей историей, характерными особенностями, соответствующими коммуникативными пространствами как способами сохранения и трансляции этнически маркированной информации, и те народные традиции, с помощью которых эта система осуществляет свое функционирование. Каждая такая коллективная единица имеет долгую историю своего формирования на природной основе, в процессе которого получил развитие и совершенствовался язык как средство коммуникации. Язык был связан с адаптацией к определенной среде обитания и обуславливал особенности коммуникативного поведения представителей конкретного народа (этноса).

Народные традиции возникли на природной биологической основе как практика созидания коллектива из отдельных его членов, традиции направлены на сохранение и передачу новым поколениям этнических ценностей, имеющих целью сохранение и безопасность существования данного коллектива в пространстве и во времени. Они подразумевают воздействие на органы чувств человека (слух, зрение и т.п.) и коммуникативную память с целью постоянного эффективного воссоздания изначального единства коллектива.

И действительно, еще младенцем «человек включается в этническое пространство: его окружают предметы, присущие культуре данного этноса (одежда, украшение, утварь и т.д.), люди вокруг него говорят на языке, который становится для него родным, когда он сам еще не научился говорить. Это человеческое и культурное окружение становится для ребенка “защитным коконом” (как говорят, онтологической системой безопасности). Ребенок, еще не умея говорить, преодолевает страх неопределенности благодаря этой защите, у него возникает чувство доверия к своим» [5, с. 83]. Возникшее доверие закрепляется в процессе совместных с другими детьми игр, когда новые члены группы получают навыки социализации в данном коллективе, осваивают образцы возможного поведения, пробуют имеющиеся ролевые модели.

А. Шюц отмечал, что «на самом деле человек изначально находится в окрестностях, уже “картографированных” за него другими: “заранее размеченных”, “заранее индцированных”, “заранее обозначенных” и даже “заранее символизированных”. Таким образом, его биографическая ситуация в повседневной жизни всегда исторична, поскольку всегда конституирована социокультурным процессом, приведшим к актуально наличной конфигурации этой среды. А потому лишь малая часть наличного запаса знания человека берет начало в его индивидуальном опыте. Большая часть его знания социально почерпнута, передана ему его родителями и учителями как его социальное наследие» [11, с. 517-518]. Из этой мысли вытекает многое: она самым недвусмысленным образом говорит о том, что человек при условиях его аккультурации в определенной этнической среде становится носителем огромного пласта социального опыта того народа, культура которого стала его родной.

Все вышеперечисленное возможно с помощью определенной знаковой системы, то есть языка, с помощью которого выражается и передается младшим поколениям абсолютное большинство народных традиций. «Родной язык можно принять как некий набор соотношений, который, в соответствии с одобренным языковым сообществом относительно естественным мировоззрением, предопределяет, какие черты будут достойны выражения, а вместе с тем какие качества этих черт и какие отношения между ними будут заслуживать внимания и какие типизации, концептуализации, абстракции, обобщения и идеализации будут релевантны для достижения типичных результатов типичными средствами. Не только в словарном запасе любого родного языка, но и в его морфологии и синтаксисе отражается социально одобренная система релевантностей языковой группы» [Там же, с. 518-519].

Из всего вышесказанного следует вывод о том, что с помощью языка выражается картина мира его носителей и благодаря ему работает его сцепка с мыслительными схемами, лежащая в основании менталитета. «Мы полагаемся на усвоенное, мы анализируем наш опыт главным образом мерками языковых явлений, на основе нашего языкового знания. Это заходит так далеко, что мы слепо доверяем языку даже там, где наш собственный опыт мог бы указать иное направление» [4, с. 148]. «Процесс социального познания протекает не в вакууме, а в конкретной культурной среде. Человек живет в символической реальности, которая конструируется благодаря знаковым системам, в том числе и языком. К примеру, изучение эмигрантов... показало, что эмигранты заполняли Калифорнийский личностный опросник на родном (китайский и корейский) и английском языках и демонстрировали при этом различные свойства личности, в зависимости от того, отвечали ли они на своем первом или на английском языках» [8, с. 49-50]. Этот пример показывает, что язык, на котором говорит человек, в значительной степени обуславливает его восприятие, диктует ему определенный

репертуар возможных вариантов поведения, стимулирует его к использованию характерных для данной языковой культуры стереотипов и следованию традициям и оказывает решающее влияние на его коммуникативное поведение.

Перечень народных традиций весьма обширен, среди наиболее популярных можно отметить народные праздники, сопровождающиеся пением и танцами, народную песню, в которой воплощена душа народа и выражаются этнические ценности. Сюда же может быть отнесено устное народное творчество: пословицы, поговорки, загадки, заговоры и т.п., которые отобраны самим народам и продолжают воспроизводиться, поскольку сохраняют свою значимость и связь с народной жизнью. Исключительно важны в данном отношении традиционные обряды: свадебные, поминальные, рано или поздно касающиеся всех членов социума. Именно через них, через их регулярность и значимость (а когда-то и обязательность для всех) люди осознают себя частью чего-то большего, чем просто «Я».

Народные традиции и этнические коммуникативные системы

«Праздник, являясь “важной первичной областью культуры” (Бахтин), “выключением” из обыденной жизни, раскрепощает, дает временную свободу от повседневных обязанностей и социальных проблем. Даже обремененный комплексами человек обнаруживает желание как-то проявить себя, пытается вырваться из привычной для него среды. В связи с этим любой праздник воспринимается, прежде всего, как уход от повседневности, способ утверждения общественных связей между людьми и социальных приоритетов» [9, с. 14]. Изначально праздник был связан со священнодействием и обладал существенно большей значимостью для каждого члена группы и группы в целом, нежели в современный период. Но даже сейчас народные праздники, уже утратившие свой первоначальный смысл, пользуются среди многих народов большой популярностью.

«Первобытный танец направлен на “сборку” коллективного тела через ритм и пластику. Благодаря своей пульсирующей структуре ритм усиливал кульминационные точки ритуала, образуя тем самым мнемоническую решетку... Первоначально танец – подражание движению животных и имитация поведения зверя-тотема. Но если брачные танцы животных и игры животных обусловлены инстинктом продолжения рода, то танец человека – символическое действие, прорыв в социальность через социальную память, через приобщение к таинствам рода, мифическим предкам» [6, с. 38-39]. Движения танца, его пластика были навеяны образом жизни народа, в нем воплощались особенности его мифологии и характер его хозяйственной деятельности. Танец выступал как средство коммуникации и был необходимой частью совместного участия и переживания культовых мероприятий, например, в честь наступления нового времени года по календарному календарю. Танец был составной частью мистерий в античное время. «Танец как часть религиозного ритуала, связывающая сакральное с профанным, явился органичным элементом мифологической структуры мифа... Особенностью танца в мифе является его сакральный смысл – удостоверение и реактуализация наиболее значимого и ценного: отношения умирания и воскрешения, единство человека и природы, человека и рода, биологического и социального» [Там же, с. 43]. Таким образом, одна из его изначальных функций в культуре – преодоление барьера между профанным и сакральным, чтобы перенести человека в другой регистр бытия. Такой перенос был актуален для ранней эпохи, но даже и в современности для секуляризованных людей он имеет определенный смысл, давая им отсылки к уже утерянному опыту; важному, но забытому содержанию, выраженному в символической форме.

Часто танец бывает связан с устоявшимся в обществе календарным циклом, подчиняющим народную жизнь смене времен года. «Ритуальные действия способствуют объединению природы и общества, так как в ритуалах неизменно присутствуют и активно используются: музыка, танцы, живопись и т.д. Эти элементы культуры используются не только для усиления ритуального действия, они являются демонстрацией накопленного социального опыта и отражением жизни всего общества. Иными словами, ритуал в любом обществе проявляет и поддерживает культурные традиции, выявляет цель существования, устанавливает смысловую направленность и определяет поступки человека согласно общепринятым способам восприятия, обусловленным человеческим сознанием» [9, с. 13]. Участие в ритуале втягивает человека в общее действие даже в том случае, если он считает его формальным, и тем самым уравнивает его с другими членами коллектива.

Музыка, используемая при таком ритуальном действии, усиливает создаваемое им впечатление и во многих случаях продолжает оставаться чрезвычайно значимым популярным элементом народной культуры. Тем более что музыка и танец взаимно дополняют друг друга, что усиливает эмоциональное воздействие на участников и зрителей происходящего.

Для более раннего исторического периода можно констатировать связь музыки со сферой сакрального. «Религиозный характер этого опыта есть следствие того факта, что актуализируются легендарные события, возвышающего характера и наполненные чрезвычайной значимостью... Мы покидаем мир обыденности и проникаем в мир преображенный, заново возникший, пронизанный невидимым присутствием сверхъестественных существ» [12, с. 24]. Даже для современного человека, утратившего веру в сверхъестественное начало, участие или созерцание данного действия может иметь значительный смысл. Тем более он есть и имеет куда большее значение, если речь идет о человеке, находящемся только в начале своего жизненного пути, ищем для себя смысла в том, что его окружает, и пытающемся найти в нем точку опоры.

Можно согласиться с В. П. Аникиным, что «с трудом можно представить весь объем информации, то множество знаний и навыков, которые обретает ребенок, чтобы ориентироваться в мире – жить в нем. Взрослые

помогают детям. Народная педагогика выработала свои традиционные правила. Удивительно, что они точно соответствуют законам физического и интеллектуального развития ребенка и составляют своего рода систему... Бытовое искусство, фольклор опекает ребенка с рождения, сопровождает в детстве, отрочестве, вплоть до перехода в юность» [7, с. 5]. С самого детства с колыбельными матери ребенок начинает впитывать народную мудрость, что закладывает определенную программу его будущего поведения и деятельности. Для более взрослого возраста копилку народной мудрости предлагают уже вышеупомянутые пословицы и поговорки и др., представляющие сами по себе энциклопедию (часто еще крестьянской) народной жизни.

Народные традиции и онтология этноса

Народные традиции выражают этнические ценности, то, что было отобрано самим народом, но в случае их несоответствия изменившимся обстоятельствам они могут быть поколеблены и даже отброшены. Они тесно связаны с ментальностью, а «ментальностью называются такие глубинные структуры, которые определяют на протяжении длительного времени национальное своеобразие какой-либо народной общности. С позиции современной психологии ментальность рассматривается как своеобразное социально-психологическое ядро самосознания любой общности, позволяющее единообразно воспринимать социальную действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися нормами и образцами поведения. Опора на базовые ментальные ценности может способствовать прорыву в новые культурные горизонты» [1, с. 173].

Покуда народ говорит на родном языке, его народные традиции почитаются ныне живущими его представителями и устойчиво передаются и воспроизводятся его новыми поколениями, до тех пор они будут поддерживать его онтологию через его живых представителей и будут питать их этническую идентичность.

Интересно отметить особенности соотношения традиций и ритуалов, исследованные А. К. Байбуриным. Так, он пишет: «Традиционная программа поведения претендует на то, чтобы дать образцы на все случаи жизни. Реально же с их помощью регламентируются лишь те аспекты деятельности, которые считаются значимыми для существования коллектива. Естественно, каждый коллектив или общество по-своему определяет значимость тех или иных форм индивидуального и коллективного поведения, отсюда, например, несоответствия в репертуарах обрядов и обычаях разных народов» [2, с. 25]. Традиции оказывают влияние на поведение современного человека, если обычай воплощает норму повседневного поведения, то к ритуалу обращаются в только в экстремальных ситуациях [Там же, с. 26-27]. Тот же исследователь говорит о том, что «этническая общность, будучи территориальным образованием, не подразумевает единства происхождения, общей “крови”. Даже в этническом сознании существующих носителей традиционно-бытовой культуры эта метафора не всегда знаменует единство происхождения. Зато, как правило, “кровь” означает близость поведенческих установок, особенностей и других выражений, вплоть до общности языка» [3, с. 69].

В условиях разворачивающихся в большинстве стран современного мира процессов глобализации и распространения идеологии потребления можно констатировать тенденцию замещения народных традиций продуктами профессионально выполненной массовой культуры и общее ослабление онтологической сущности малых социальных групп (этносов). Это производится через сужение бытования народных традиций, перехват функции социализации новых поколений современными государствами с помощью быстро развивающихся коммуникативных технологий. Последние позволяют находящимся у власти режимам проводить благоприятствующую для реализации этих целей политику. Последняя может быть весьма тонкой, так как правительства стран могут даже демонстративно опираться на избранные для поддержки народные традиции, но исключительно в тех случаях, когда они работают на поддержку политики самих этих правительств, то есть обслуживают их интересы. Таким образом, народные традиции в лучшем случае служат материалом, на основе которого средства массовой коммуникации тиражируют нужные правительствам сообщения. В таких случаях этническая идентичность имеет тенденцию к ослаблению и постепенно замещается национальной (государственной).

Заключение

Подведем итоги данного исследования: 1) народные традиции возникли на основе опыта адаптации конкретных человеческих коллективов к определенной естественно-географической среде и иному окружению. Он закреплялся в процессе его освоения новыми поколениями этнофоров через отбор и бесчисленное количество повторов; 2) народные традиции конституируют исторический коллектив и скрепляют его через этнические коммуникативные системы; 3) авторы полагают, что социальная онтология этносов может быть реализована через функционирование родных языков и характерных для них народных традиций только в процессе их трансмиссии новым поколениям. Глобализация объективно ослабляет онтологию современных этнических групп через сокращение функционирования этнических коммуникативных пространств.

Перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы мы видим в углублении междисциплинарного подхода к ее решению за счет привлечения исследований в области социальной антропологии, психологии и этнопсихолингвистики.

Список источников

1. Алехина С. Н. Дом и человек в русской ментальности (философские искания В. В. Розанова) // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции (г. Курск, 21-24 апреля 2003 г.). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 173-178.
2. Байбурин А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этноязыковые средства культуры: сборник / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1991. С. 23-43.
3. Байбурин А. К. Этнический образ // Этноязыковые средства культуры: сборник / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1991. С. 58-85.
4. Вайсбергер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. М.: Едиториал URSS, 2004. 232 с.
5. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.
6. Ломако О. М., Сердешнов Е. М. Мифология танца: природное - социальное - экзистенциальное // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. 2012. № 11. С. 38-43.
7. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре: в 10-ти вып. / под ред. В. П. Аникина. М.: Художественная литература, 1991. Вып. 1. Младенчество. Детство. 589 с.
8. Сухих С. А. Этническая специфика социального познания // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции (г. Курск, 21-24 апреля 2003 г.). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 48-53.
9. Фролова С. М. Культура повседневности // Человек. История. Культура: исторический и философский альманах. 2012. № 11. С. 9-22.
10. Чеснов Я. В. Народная культура: философско-антропологический подход. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014. 496 с.
11. Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с франц. М.: Академический Проект; Парадигма, 2004. 224 с.

Информация об авторах | Author information**RU****Демяшева Людмила Сергеевна¹****Рязанов Александр Владимирович²**, д. филос. н., доц.^{1,2} Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов**EN****Demyasheva Lyudmila Sergeevna¹****Ryazanov Alexander Vladimirovich²**, Dr^{1,2} Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Branch of RANEPa, Saratov¹ code-denote@mail.ru, ² alexandr.ryazanov@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.03.2021 ; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): народная традиция; социальная онтология; этнос; folk tradition; social ontology; ethnic group.